

УДК 297.1:930

Информация о статье:

Д.З. Хайретдинов

Поступила в редакцию: 11.01.2015
Передана на рецензию: 15.01.2015
Получена рецензия: 14.02.2015
Принята в номер: 25.04.2015

Основные аспекты бытования ислама среди нижегородских татар в XVII–XVIII вв.

Московский исламский институт; khair2009@yandex.ru

Статья посвящена малоизученным аспектам бытования исламской религии в XVII–XVIII веках среди нижегородских татар-мишарей – локальной субэтнической группы татарской нации, сложившейся в пределах современной Нижегородской области и составившей заметные группы мусульманского населения во многих городах Российской империи. Маркерами религиозной жизни в регионе выступали мечети – как в сельской местности, так и при торговых поселениях, в частности на знаменитой Макарьевской ярмарке. Особое внимание уделено институту религиозных деятелей – абызов, часто представленных суфийскими шейхами, которые подвергались давлению со стороны властей. Абызы смогли в условиях антимусульманской политики правительства не только сохранить ислам в среде своего народа, но и успешно заниматься исламской проповедью, преумножать собственные познания в исламе и суфизме и даже обращать в ислам представителей других общин.

Ключевые слова: *нижегородские татары, мишари, абызы, ислам.*

The article is devoted to the little-studied aspects of the existence of the Islamic religion in 17–18th centuries among the Nizhny Novgorod Mishar Tatars – local subgroups of the Tatar nation, established within modern Nizhny Novgorod region and forming a prominent group of Muslim population in many cities of the Russian Empire. The markers of religious life in the region were the mosques – both in the countryside and trading settlements, in particular at the famous Makariev Trade Fair. Special attention is paid to the institute of religious leaders – Abyz, often represented by Sufi sheikhs, who were under pressure from the authorities. Under the conditions of anti-Muslim policy of the government, Abyz were able not only to preserve Islam among their people, but also multiplied their own knowledge of Islam and Sufism and were successful preachers converting to Islam representatives of other communities.

Keywords: *Nizhny Novgorod Tatars, Mishars, Abyz, Islam.*

Введение

Нижегородские татары-мишари представляют собой особую этнолокальную группу, отличающуюся от других групп татарской нации этногенезом, диалектом, ментальностью, историей развития. К предкам татар-мишарей относят исчезнувших в средневековье буртасов, мажар (маджар), кипчаков. Не позже X века буртасы вошли в тесный культурный контакт с волжскими булгарами и через некоторое время приняли ислам. Как считал Н.А. Фирсов, в главном их городе – Буртасе (предположительно, это Юловское городище XI–XIII вв. в Пензенской области) – имелись две мечети [26, с. 72].

К началу золотоордынской эпохи буртасы являлись уже убежденными мусульманами. Гильом де Рубрук, в 1253 г. отправившийся в Монголию отметил, вдоль своей дороги по Оке и Волге проживание среди язычников-мордвы мусульманского народа: «сзади них [мордвы-мокши] живут другие, именуемые Мердас [буртасы], которых латины называют Мердинис, и они – сарацины» [6, с. 110].

К началу XIV в. мусульманами были и мажары. Об этом говорит эпитафическая надпись на могильном камне, найденном в Чистополе (Татарстан). Под ним в 1311 г. был похоронен Исмагил, сын мажарского кадия, который «воспитывал ученых, приблизился к числу захидов и строил мечети» [13, с. 72].

Мечети нижегородских татар

К 1313 году, когда хан Узбек сделал ислам государственной религией Золотой Орды, основные группы предков нижегородских татар уже строго придерживались этой религии. Не вызывает никаких сомнений, что во всех местах их компактного проживания существовали мечети. Этот факт, мы предполагаем, касается Нижнего Новгорода, Арзамаса, Курмыша, возможно, Лыскова и Балахны.

Однако первые из сохранившихся документальных свидетельств о мечетях на Нижегородчине относятся уже к довольно поздней эпохе Московского государства. Такая мечеть, выстроенная из дерева, была учреждена на Макарьевской ярмарке (известна с XVII века) для нужд купцов-мусульман, во множестве посещавших это крупное российское торжище [22]. Хотя ярмарочная мечеть в Макарьево является более поздней по сравнению с бургасскими, болгарскими и ордынскими мусульманскими храмами, она все равно выступает самой ранней из всех мечетей, построенных в Поволжье после его вхождения в состав России.

К сожалению, иных сведений о мечетях этого периода в регионе не сохранилось, хотя несомненен факт, что они существовали во всех татаро-мусульманских населенных пунктах. В глубине души с этим был согласен и С.Б. Сенюткин, скрупулезно следовавший документально подтвержденным данным из архивных источников. Хотя относительно ранних мечетей таких данных он не нашел, на созданных его рукой чертежах нижегородских сёл Рыбушкино и Мочалей начала XVII века в качестве доминанты прорисованы типичные для татарской сельской архитектуры мечети [20, с. 356].

Жители аулов говорили о своих мечетях так: «в котором году и по каким повелениям ставились... не знаем; удостоверяем только то, что, когда те мечети приходят в ветхость, мы их своим иждивением поправляем» [19, с. 282]. Из этой фразы следует логичный вывод, что мечети имелись в регионе и в эпоху религиозных гонений.

Впрочем, следует допустить и другой вариант, когда у жителей не было возможности возвести постоянную мечеть. В работе Т.Г. Масленицкого содержится ответ на вопрос о том, где молились татары-мусульмане в периоды отсутствия у них стационарных мечетей: «они в праздник ставят перед собой мизгит» [10, с. 404–405]. Таким образом, даже в периоды преследований властям невозможно было проконтролировать молитвенные собрания мусульман (или воспрепятствовать им), поскольку они собирались в заранее оговоренном месте и устанавливали разборную мечеть.

О том, что это было актуально, свидетельствуют репрессивные меры властей: так, в феврале 1742 г. из Петербурга в Нижний Новгород пришло распоряжение о сломе мечетей в селениях, где проживали «новокряшены» [19, с. 274]. В результате «произошел массовый слом мечетей в Казанской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерниях» [7, с. 77]. Достоверно известно только об одной сломанной мечети Нижегородчины в селе Маклаково [19, с. 95], но в действительности их было больше. Адрес-календарь Нижегородской епархии бесхитростно сообщает: «В 1743 году уничтожены в магометанских селениях [Нижегородской] епархии мечети» [2, с. 126].

Несмотря ни на что, постоянные мечети у татар Нижегородчины продолжили свое существование и в XVIII веке. В последующем их число постоянно росло. Все эти мечети были деревянными и без каких-либо изысков в архитектурном отношении. Судя

по описанию Масленицкого, даже минареты были не при всех мечетях. «Состоящие в деревне молебные их хромины [храмы?] обширны и чисты, но без всякого украшения. И в иных сделано только возвышенное место [минбар], с которого читают и толкуют Алкоран. Пол в молебных их храминах устлан коврами или войлоками. А перед входом построены сени, где всяк складывает башмаки. У которых вверху сделаны небольшие башни [минареты] и с сего места скликает пономарь [муэдзин] на молитву» [10, с. 407]. Впрочем, такой аскетизм молитвенных зданий вполне соответствует шариату.

По планам мусульманских купцов, первой каменной мечетью в регионе должна была стать та, что располагалась на Макарьевской ярмарке. В 1810 г. они обратились к властям с просьбой выделить им временное место для богослужений «впредь до перестройки мечети» [22, с. 91]. Однако вся ярмарка, полностью выстроенная из дерева, сгорела в 1816 году «от поджога, не без ведома тогдашних нижегородских властей» [5, с. 29–30]. Затем она была перенесена в Канавино, рядом с Нижним Новгородом (сохранив свое историческое наименование). И уже здесь, на новом месте, была открыта мечеть. По-видимому, это произошло уже в первый торговый сезон, т. е. в 1817 г. В любом случае, деревянная мечеть существовала еще до ее перестройки в камне; последнее случилось, по данным Ш. Марджани, в 1822 году [9, с. 392].

Это противоречит данным, согласно которым Ярмарочная мечеть была построена архитектором А. Леером в 1827 году в едином ансамбле с Армянской церковью, симметрично по отношению к доминирующему на ярмарке православному Спасскому собору. Проблема разрешается после того, как мы поймем, что речь идет о зданиях, располагавшихся недалеко друг от друга, но все же в разных местах. Мечеть № 1, о которой сообщает Марджани, находилась примерно в 500 метрах к югу от более поздней мечети № 2 [28, с. 71]. Впоследствии на ее месте возник один из многочисленных торговых павильонов по адресу: ул. Кизлярская, 25. И хотя для построения мечети № 2 (которую мы и называем Ярмарочной мечетью) предлагались разные места, все они находились в той же северной части ярмарки (Азиатском квартале), где появилась и мечеть № 1. А изящное здание Ярмарочной мечети легло впоследствии в основу образцового проекта 1829 года, по которому стали строиться все мечети во всей Российской империи.

Абызы – религиозные служители ислама

Помимо мечетей имелся и другой идентификационный маркер исламской религиозной жизни нижегородских татар той эпохи – абызы. Если в период Золотой Орды и постордынских ханств для Мещеры предполагаются такие религиозные деятели, как шейхи, сейиды, факихи, кадии, то в более позднее время все их функции перешли исключительно к абызам.

Институт абызов у татар удивительным образом воспроизводил те религиозно-патриархальные нормы, которые существовали у буртасов еще до принятия ими ислама. Вот отрывок из описания жизни буртасов авторства Ибн Русте X века: «У них нет главы, который бы ими управлял и власть которого у них везде была бы признаваема. У них в каждом поселении был шейх [в переводе Д.А. Хвольсона 1869 г. – старшины] или два, к которым они обращаются в разрешении того, что случается между ними» [1, с. 702]. Аналогично этому и абызы в условиях отсутствия собственной государственности являлись фактическими руководителями отдельных городских и сельских мусульманских общин татар. «Во главе каждого селения стоял... абыз... Во всех спорных случаях, возникавших между отдельными людьми и семьями, население деревни обращалось за советом к абызам» [24, с. 428].

Сколько же всего было абызов на земле Нижегородчины в XVII веке? В документах той эпохи их имена встречаются лишь изредка, отчего может сложиться впечатление, что их насчитывались единицы. Однако Я.Е. Водарский сообщает, что в 1660-х годах в ведении приказа Казанского дворца по Арзамасскому уезду числилось «20 дворов за духовенством». При этом он уточняет в другом месте, что приказом Казанского дворца в этом уезде переписывались именно «владения помещиков-татар», а не представителей иных этносов [4, с. 22, 217]. Поскольку в том же приказе числилось тогда 265 дворов за помещиками данного уезда, делаем вывод, что в среднем духовенство составляло 7 % от числа служилых татар Нижегородчины (в целом по региону для указанного времени около 50 человек).

Социально-сословное происхождение абызов было различно. Один из самых именитых родов – семейство абызов Биккининых – был широко известен и чрезвычайно авторитетен среди различных групп нижегородских татар. Выходец из этого рода Субхангул Биккинин основал вместе со своими земляками в конце XVIII века село Субхангулово (Камчалы) в Башкирии. Его дед Биккина Сейфетдинов, отец Бикмухаммет Биккинин, брат Абдулжалил Биккинин являлись крупными абызами и ишанами. В пользу последнего говорит то обстоятельство, что Абдулжалил и его сын Мухаммет-Юнус были учениками крупнейшего среди мишарей суфийского шейха Хабибуллы аль-Оруви [25, с. 273–274].

Внук Абдулжалила Садек (1835–1886) являлся, с одной стороны, одним из самых известных шейхов тариката накшбандийа среди нижегородских татар, а с другой стороны, уже при жизни был признан в качестве «авлия» (святого). Посещение его дома превратилось в «особое подразделение суфийско-ишанского культа зиярата – посещения святых мест» [23, с. 6]. В целом из этого семейства происходят рода имамов не только Нижегородчины, но и Санкт-Петербурга, Москвы, Курска, Калуги и др. [8, с. 17, 106]. Налицо обширная география деятельности имамов из этого семейства, которое по праву можно считать ведущим в мусульманской среде центрально-европейской части России в XIX – начале XX вв.

Абызы вместе с мурзами были наиболее образованной частью татарского населения. Именно исламские религиозные деятели рассматривались государством в качестве официальных представителей татарских общин. Они же должны были принимать присягу у мусульман на верность российскому государю [3, с. 156, 161–162].

Абызы являлись просветителями и мударрисами, они преподавали религиозные дисциплины детям. Кроме того, абызы должны были из поколения в поколение передавать знания не только религиозные, но и исторические. Будучи потомками старожил, абызы должны были передавать своему окружению информацию о путях распространения исламской проповеди в регионе. В записках Л. Сахарова содержатся сведения, что именно религиозные деятели имели, хотя и искаженное, представление об исламской проповеди волжских булгар перед двором киевского великого князя Владимира [18, с. 315].

Должны были абызы хорошо знать и о деятельности Идриса бин Зуль-Мухаммеда, который проповедовал в Симбирской округе – а скорее всего, многие из них и учились у него. К.И. Невоструев считал, что он жил в начале XV века и был послушником шейха Хидаятуллы в Туркестане – якобы ученика Ахмеда Йасави [14, с. 31–32]. В действительности же Идрис-хальфа был известен как «самый крупный религиозный деятель всего средневожского региона» второй половины XVII – начала XVIII вв. [12, с. 39]. Он происходил из закамской деревни Челны (ныне Алькеевского района Татарстана), в которой с конца XVI века обосновалась целая группа нижегородских татар, выходцев из села Камкино. Не случайно камкинские татары считают его (под именем

Хальфя-бабай) своим земляком [11, с. 189]. Как бы то ни было, он действительно был тесно связан с мишарями, судя по его деятельности в Симбирске.

Идрис действительно учился у шейха Хидаятуллы в Восточном Туркестане, только тот был не йасавийским, а накшбандийским шейхом (он умер в 1694 г.). Как пишет А. Франк, их идентификация как йасавитов может быть намеком на постепенную замену йасавийских шейхов накшбандийскими в этом регионе [27, с. 96–97]. После 15-летнего обучения Идрис вернулся в Среднее Поволжье и учил людей здесь, в т. ч. в Симбирске, «созерцанию» – одному из методов суфийской практики. По преданиям, он обладал даром предвидения и якобы предсказал ряд исторических событий. О том, что учение Идриса нашло последователей в первую очередь именно среди мишарского населения, говорит и такой факт. Его мюридом и преемником являлся Касым бин Ибрахим, который «призывал общины Алатыря и Саратова наряду с другими к “истинному пути”» [27, с. 96].

Существовала и еще одна сторона деятельности мусульманских религиозных лиц, не столь афишируемая в российской документации. Это призыв к исламской религии, которую они исповедовали (с XVI в. – тайно) в среде ясачных «инородцев». В знаменитом антимусульманском указе от 16 мая 1681 г. говорилось по поводу мурз и татар «низовых городов» (среди них и города Нижегородчины), что они принуждают крестьян в своих поместьях и вотчинах «к своей басурманской вере и чинят осквернение» [16, с. 53].

Очевидно, что рядовые татары не могли вести религиозную проповедь слишком масштабно и результативно, так что этим процессом должны были руководить явно или тайно специально обученные, грамотные просветители, каковыми и являлись абызы. Впоследствии православные миссионеры будут прямо обвинять исламских деятелей за их поддержку «упорных в своем религиозном фанатизме» татар [17, с. 95].

В этой связи интерес представляет статья «Нижегородские абызы», изданная без указания авторства в двух номерах «Нижегородских губернских ведомостей» в 1865 году. Она носит резко антиисламский характер: «Абызы нижегородские проявили свою активную деятельность в совращении неопитов христианства из своих сородичей первые, тогда, когда в других русских областях с мусульманским населением абызы на эту тему еще бездействовали, даже в самой Казани... о пропаганде местных абызов ничего не было слышно. Противозаконная деятельность нижегородских абызов, вызвавшая в свое время даже непосредственное Высочайшее повеление о пресечении, неподавленная в начале, разлилась потом целым потоком по всему Поволжью, и в результате получились новые тысячи мусульман из татаро-крещен. Тогда-то Русь святая... сплотилась на борьбу креста с полумесяцем – в православное миссионерское общество, которому ныне... исполнится... ровно 25 лет, столько, сколько утекло годов со времени отпадения тысяч татаро-крещен в мусульманство, так успешно пропагандированное нижегородскими абызами» [15].

Хотя причинно-следственная связь здесь явно нарушена, столь бесцеремонный «наезд» в официальном губернском издании второй половины XIX в. на мусульманских религиозных деятелей о многом говорит. Прежде всего, о том, что институт абызов на Нижегородчине был достаточно многочисленным, крайне влиятельным и эффективным, а также о том, что абызы в этом регионе имели длительное существование.

По формальным признакам абызы XVII века практически ничем не отличались от более поздних имамов, в том числе официальных (указных), назначаемых через систему Духовного собрания. И все же различие существовало: оно базировалось на разных идеологических воззрениях. Абызы являлись ярыми сторонниками суфизма и в боль-

шей степени придерживались политики изоляционизма и архаики в религии. Указные имамы ориентировались на обновленную модель ислама, «встроенного» в государство и менее подверженного суфийскому влиянию. Наглядным примером столкновения этих линий являлся конфликт между Мухаммет-Юнусом Абдулжалиловым (сыном Абдулжалила Биккинина из Овечьего Оврага) и ахунотом из Рыбушкино Сулейманом Салюковым в 1830-х годах. Хотя обе претензии ахуна к овечьевражскому имаму имели отношение к обрядовой стороне ислама (неправильное определение месяца поста – *рамазана*, и установка *туга* на могиле А. Биккинина), в этом споре «персонифицировалось наличие двух настроений и поведенческих линий среди мусульман нижегородского Поволжья» [21, с. 12].

Заключение

Резюмируя, следует заметить: в силу целого ряда обстоятельств и на фоне крестительской политики московского правительства нижегородские татары-мишари развивались в XVII–XVIII веках не как сугубо этническая, а прежде всего, как этноконфессиональная группа. Впоследствии в Новое время этноконфессионализм и многочисленные этнофобии, так же, как древние корни исламской религии у предков, наряду с их особой ментальностью, привели значительное число имамов, мударрисов и меценатов из нижегородских татар к самоотверженному служению исламу на огромных просторах Российской империи.

Литература

1. *Абу Али Ахмад ибн Умар ибн Русте*. Китаб ал-а'лак ан-нафиса (Книга драгоценных ожерелий). // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 699–707.
2. Адрес-календарь Нижегородской епархии в память исполнившегося в 1888 году 900-летия крещения Руси. – Н. Новгород, 1888.
3. Акты Московского государства / под ред. Н.А. Попова. Разрядный приказ. Московский стол. Т. II. 1635–1659. – СПб., 1894.
4. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. – М., 1977.
5. *Гациский А.С.* Беглый очерк Нижнего Новгорода и его прошлого. – Н. Новгород, б/г.
6. *Дж. дель Плано Карпини*. История Монгалов. Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина. – М., 1957.
7. *Загидуллин И.К.* Елизавета Петровна и мусульмане // Ислам в Санкт-Петербурге. Энциклопедический словарь / отв. ред. Д.З. Хайретдинов. – М. – Н. Новгород, 2009.
8. Ислам в центрально-европейской части России. Энциклопедический словарь / отв. ред. Д.З. Хайретдинов. – М. – Н. Новгород, 2009.
9. *Марджани Ш.Б.* Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар (Источники по истории Казани и Булгара). – Казань, 1989.
10. *Масленицкий Т.Г.* Топографическое описание Симбирского наместничества. – Б.м., 1785.
11. *Мухетдинов Д.В.* Хальфя-бабай // Ислам на Нижегородчине. Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. – Н. Новгород, 2007.
12. *Насыров Р.Г.* Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). – Казань, 2007.

13. *Набиуллин Н.Г., Исмагыйлев Н.Ф., Гариф Н.Г.* Тарихи сэхифэлэр ачылганда: Чистай шэһэре тарихына бэйле ачышлар // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. – Казань, 2009.
14. *Невострюев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. – М., 1871.
15. Нижегородские абызы // Нижегородские губернские ведомости (НГВ). – 1865. – № 37.
16. *Ногманов А.И.* Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. – Казань, 2002.
17. *Орлов А.М.* Мещера, мещеряки, мишари. – Казань, 1992.
18. *Сахаров Л.* Заметки о татарах-поселянах // Нижегородские губернские ведомости. – 1860. – № 46. – С. 314–315.
19. *Сенюткин С.Б.* История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. – Н. Новгород, 2001.
20. *Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н.* XVI–XX: История татарских селений Большое и Малое Рыбушкино Нижегородской области. – Н. Новгород, 2001.
21. *Сенюткина О.Н.* Габдулвахид б. Сулейман б. Салюк. – Н. Новгород, 2006.
22. *Сенюткина О.Н.* Макарьевская ярмарка и мечеть // Ислам на Нижегородчине. Энциклопедический словарь. – Н. Новгород, 2006. – С. 91.
23. *Сенюткина О.Н., Мухетдинов Д.В.* Абдулжалилов Садек // Ислам на Нижегородчине. Энциклопедический словарь. – Н. Новгород, 2006. – С. 6.
24. Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. – М., 2001.
25. *Фахреддин Р.* Асар. Т. 1. – Казань, 2006.
26. *Фирсов Н.А.* Обзор внутренней жизни инородцев пред временем вступления их в состав Московского государства // Ученые записки Казанского университета. Вып. 112. – Казань, 1866.
27. *Франк Аллен.* Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России / пер. И. Хайбутдиновой. – Казань, 2008.
28. *Шумилкин С.М.* Нижегородская ярмарка. – Н. Новгород, 1996.

References

1. Abu Ali Akhmad ibn Umar ibn Ruste. Kitab al-a'lak an-nafisa (Kniga dragotsennykh ozherelii) [The book of precious necklaces] *Istoriya tatar s drevneishikh vremen [The History of the Tatars from the Earliest Times]*. V. II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'. Kazan', 2006, pp. 699–707 (In Russian).
2. *Adres-kalendar' Nizhegorodskoi eparkhii v pamyat' ispolnivshegosya v 1888 godu 900-letiya kreshcheniya Rusi [The address calendar of the Nizhny Novgorod diocese in memory of the 900th anniversary of Russia's baptism celebrated in 1888]*. N. Novgorod, 1888 (In Russian).
3. Akty Moskovskogo gosudarstva [The Acts of the Moscow state] / Pod red. N.A. Popova. Razryadnyi prikaz. Moskovskii stol. V. II. 1635–1659. SPb., 1894 (In Russian).
4. Vodarskii Ya.E. Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII v. [The population of Russia at the end of the 17th - beginning of the 18th centuries]. Moscow, 1977 (In Russian).
5. Gatsiskii A.S. *Beglyi ocherk Nizhnego Novgoroda i ego proshlogo [A sketch of Nizhny Novgorod and its past]*. N. Novgorod, b/g. (In Russian).

6. Dzh. del' Plano Karpini. Istoriya Mongalov [History of the Mongols]. G. de Rubruk. Puteshestvie v Vostochnye strany [A journey to oriental countries] / Per. A.I. Maleina. Moskow, 1957 (In Russian).
7. Zagidullin I.K. Elizaveta Petrovna i musul'mane [Empress Elizaveta Petrovna and the Muslims] *Islam v Sankt-Peterburge*. Ents. slovar' [Islam in Saint Petersburg] / Otv. red. D.Z. Khairtdinov. Moskow, N. Novgorod, 2009 (In Russian).
8. *Islam v tsentral'no-evropeiskoi chasti Rossii. Ents. slovar' [Islam in the Central European part of Russia. Encyclopedia]* / Otv. red. D.Z. Khairtdinov. – M., N. Novgorod, 2009. (in Russian).
9. Mardzhani Sh. B. Mustafad al'-akhbar fi akhvali Kazan' va Bulgar (Istochniki po istorii Kazani i Bulgara) [*Sources on the history of Kazan and Bulghar*]. Kazan', 1989 (In Tatar).
10. Maslenitskii T.G. *Topograficheskoe opisanie Simbirskogo namestnichestva [Topographic description of Simbirsk province]*. – B. m., 1785 (in Russian).
11. Mukhetdinov D.V. Khal'fya-babai. *Islam na Nizhegorodchine*. Ents. slovar' [Islam in the Nizhny Novgorod region] / Sost. i otv. red. D.V. Mukhetdinov. N. Novgorod, 2007 (In Russian).
12. Nasyrov R.G. *Sel'skoe rasselenie v Zapadnom Zakam'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XVIII vv.) [Rural resettlement on Western Kama territory (the second half of the 16th – early 18th centuries)]*. Kazan', 2007 (In Russian).
13. Nabiullin N.G., Ismagyilev N.F., Garif N.G. Tarikhi sekhifeler achylganda: Chistai shehere tarikhy na beile achyshlar. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva [Medieval Turkic-Tatar states]*. Kazan', 2009, V. 1. (In Tatar).
14. Nevostruev K.I. *O gorodishchakh drevnego Volzhsko-Bolgarskago i Kazanskago tsarstv v nyneshnikh guberniyakh Kazanskoi, Simbirskoi, Samarskoi i Vyatskoi [The ancient settlements of the Volga-Bulgharian and Kazan kingdoms in the present Kazan, Simbirsk, Samara and Vyatka provinces]*. Moskow, 1871 (In Russian).
15. Nizhegorodskie abyzy. [Nizhny Novgorod Abyz]. *Nizhegorodskie gubernskie vedomosti [Nizhny Novgorod province news]*. N. Novgorod, 1865, no. 37 (In Russian).
16. Nogmanov A.I. *Tatary Srednego Povolzh'ya i Priural'ya v rossiiskom zakonodatel'stve vtoroi poloviny XVI–XVIII vv. [The Tatars of the Middle Volga and the Urals regions in the Russian legislation of the second half of 16–18th centuries]*. Kazan', 2002 (in Russian).
17. Orlov A.M. *Meshchera, meshcheryaki, mishari [Meshchera, its residents and Mishars]*. Kazan', 1992 (in Russian).
18. Sakharov L. *Zametki o tatarakh-poselyanakh [Notes on Tatar female settlers] Nizhegorodskie gubernskie vedomosti [...]* 1860. no. 46, pp. 314–315 (In Russian).
19. Senyutkin S.B. *Istoriya tatar Nizhegorodskogo Povolzh'ya s poslednei treti XVI do nachala XX vv. [The history of Nizhny-Novgorod Volga region Tatars since the last third of the 16th to the early 20th centuries]*. N. Novgorod, 2001 (In Russian).
20. Senyutkin S.B., Senyutkina O.N., Guseva Yu.N. *XVI–XX: Istoriya tatarskikh selenii Bol'shoye i Maloe Rybushkino Nizhegorodskoi oblasti [16 – 20th centuries: The history of Bol'shoye and Maloe Rybushkino Tatar villages of Nizhny Novgorod province]*. N. Novgorod, 2001 (In Russian).
21. Senyutkina O.N. *Gabdulvakhid b. Suleiman b. Salyuk [Gabdulvakhid b. Suleiman b. Salyuk]*. N. Novgorod, 2006 (in Russian).

22. Senyutkina O.N. Makar'evskaya yarmarka i mechet' [The Makaryev Trade Fair and the mosque] *Islam na Nizhegorodchine. Ents. slovar' [Islam in the Nizhny Novgorod region]*, p. 91 (in Russian).

23. Senyutkina O.N., Mukhetdinov D.V. Abdulzhalilov Sadek. Islam na Nizhegorodchine. Ents. slovar' [Islam in the Nizhny Novgorod region. Encyclopedia]. S. 6 (In Russian).

24. *Tatary [The Tatars]* Otv. red. R.K. Urazmanova. S.V. Cheshko. Moskow, 2001 (In Russian).

25. Fakhreddin R. *Asar. [Asar]* Kazan', 2006, V. 1. (In Russian).

26. Firsov N.A. Obzor vnutrennei zhizni inorodtsev pred vremenem vstupleniya ikh v sostav Moskovskogo gosudarstva [Review of the internal life of ethnic minorities before their joining the Moscow state] *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Proceedings of Kazan University]*. Kazan', 1866, V. 112. (In Russian).

27. Frank Allen. *Islamskaya istoriografiya i «bulgarskaya» identichnost' tatar i bashkir v Rossii [Islamic historiography and "Bulghar" identity of Tatars and Bashkirs in Russia]* / Per. I. Khaibutdinovoi. Kazan', 2008 (In Russian).

28. Shumilkin S.M. *Nizhegorodskaya yarmarka [Nizhny Novgorod Trade Fair]*. N. Novgorod, 1996 (In Russian).